

*Пищемуха В.Г.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

БОРИС ЛИСАНЕВИЧ И АЛЕКСАНДР МАРК: ОДЕССИТЫ «ПОКОЛЕНИЯ BELLE ÉPOQUE»

Аннотация. Статья посвящена памяти двух выдающихся одесситов, которые блестяще самореализовались в противоположных точках Земли: Париже и Катманду. С целью освещения и осмысления их сходных судеб разработана и введена концепция поколения «прекрасной эпохи».

Ключевые слова: поколение, «прекрасная эпоха», Одесса, эмиграция.

Часть II. Александр Марк

Каждое поколение уверено, что именно оно призвано переделать мир. Мое, однако, уже знает, что ему этот мир не переделать. Но его задача, быть может, на самом деле еще величественнее. Она состоит в том, чтобы не дать миру погибнуть.
(А.Камю. *Шведские речи. Речь от 10 декабря 1957 г.*)

Первая часть статьи опубликована в данном издании (2015, №9)

Александр Маркович Липинский (в эмиграции сменил фамилию на Марк) родился в Одессе в начале 1904 года в состоятельной еврейской семье. В 1918 г. вместе с родителями покинул большевистскую Россию и эмигрировал во Францию. Сначала продолжил образование в парижском лицее Сент — Луи, а затем изучал философию в Германии, где познакомился с учением немецкого персонализма. Возвратившись в Париж, он изучает право и проходит курс в Свободной школе политических наук, диплом об окончании которой получил в 1927 году. В последующие несколько лет А. Марк получает профессиональный опыт в издательстве Ашетт, неоднократно посещает Германию, где завязывает отношения с молодыми интеллектуалами.

В 1930 г. А. Марк создал свое собственное информационное агенство Рах — Press, которое просуществовало недолго, принимает активное участие в дискуссионном клубе «Зеленая мельница» (от названия улицы на Монпарнасе).

Из этой среды вскоре сформировалась группа «Новый порядок», а затем одноименный журнал, который выходил с мая 1933 по сентябрь 1938 г. под руководством А. Марка. Именно на страницах этого журнала, а также журнала «Эспри», издававшегося Эдуардом Мунье, сформировался французский персонализм, как яркое философское течение XX века.

Группа «Новый порядок» была довольно известна в парижских интеллектуальных кругах, ее идеями заинтересовался, например, Шарль де Голль, посетивший несколько собраний. О реальности этих встреч свидетельствует Робер Арон в своей книге «Шарль де Голль», опубликованной в 1964 г., то есть еще при жизни генерала [1].

В 1933 г. выходит и первая книга А. Марка «Молодая Европа», которая отражает напряженное кипение идей той эпохи, ее надежды и разочарования. На ее страницах декларируется нонконформизм молодого поколения и надежда на создание единого фронта европейской молодежи. С этой целью А. Марк активно контактирует с единомышленниками в Великобритании, Испании, Бельгии. Особое внимание он уделял связям с Германией, в частности, в круг его собеседников входили личный враг Гитлера Отто Штрайсер и один из будущих руководителей «Красной капеллы» Харро Шульце — Бойзен, который до прихода национал — социалистов к власти издавал антифашистский журнал «Противник».

В 1999 вышел фундаментальный труд канадского историка Кристиана Роя о зарождении персоналистского федерализма — «Александр Марк и Молодая Европа (1904 — 1934): Новый Порядок у истоков персонализма» [2]. Она охватывает период формирования А. Марка с момента его рождения до 1934 г. Именно в рамках «Нового Порядка» под воздействием А. Марка и его друга Арно Дандье была выработана философия французского персонализма, прежде чем она была приспособлена к католической версии журналом «Эспри» Эдуарда Мунье. Впрочем, вопрос приоритета вызывает разногласия среди исследователей данной проблемы.

А. Марк был одним из первых философов-персоналистов, которые обратились к федералистской идее. Его духовное развитие в этом направлении прошло, как минимум, два этапа. Первый из них, хронологически охватывает 30-е годы, когда на страницах таких журналов, как «Новый порядок», «Эспри», «Планы», публикуется множество статей молодого философа. В них он постепенно вводит федералистскую проблематику в общий контекст персоналистской философии, пытаясь конкретизировать программный тезис первого манифеста движения «Новый порядок» от 31 марта 1931 г.: «Не индивидуалисты, не коллективисты, мы — персоналисты». Базовой основой социальной организации должны были стать автономные социальные объединения, которые позволили бы преодолеть централизацию государственного управления обществом, которое подавляет личность: «Государство Нового порядка, которую он провозглашает, будет на службе у сообществ: инициатива будет принадлежать коммуна, корпорациям и различным промежуточным объединениям» [3, 16].

Концепция персоналистского федерализма предусматривала органическое соединение государственного механизма с различными сообществами, которые находились бы на «уровне человека»: региональные образования в рамках национальных государств, профсоюзы и автономные товарищества на заводах, квартальные комитеты в городах и т.д. Предчувствуя европейскую политику регионализма, А. Марк писал в статье «Революционный федерализм» (1932): «Конкретная родина, то есть район, является творческим элементом и реальным основанием нашего федерализма. Район является «сферой» и природным защитником человека из плоти и крови. Итак, нужно, чтобы это хранилище богатства и самобытности человека могло противостоять любым попыткам централистской тирании. Любая революция, которая не имеет в своем основании регионализм, обречена на отклонение, которое можно квалифицировать как яковинское» [3, 19-20].

При этом персоналисты хорошо понимали и учитывали возможные последствия децентрализации всех сторон общественной жизни. В поисках баланса между единством и разнообразием они одними из первых среди федералистов вышли на принцип субсидиарности. Сын протестантского пастора Дени де Ружмон и А. Марк, который принял по убеждению в 1933 г. католицизм, не могли пройти мимо папской энциклики *Quadragesimo Anno* (1931), в которой этот принцип получил классическое определение. Составляющий его сущность тезис «*in dubio pro libertate*» («в случае сомнения — в пользу свободы») вполне соответствовал персоналистской идее личности.

Чтобы понять и оценить интеллектуальную и организаторскую деятельность А. Марка в 30-е годы, а также ее итоги осуществим экскурс в биографию его поколения.

Обучавшийся в 1928-1933 гг. на философском факультете Бухарестского университета Эмиль Чоран вспоминал о настроениях своего поколения: «Мы презирали «старичье», «рамоли» (фр. разг. — старчески расслабленный, близкий к слабоумию человек — В.П.) — словом, всех, кому перевалило за тридцать...Быть молодым означало для нас — автоматически — быть гениальным. Вы скажете, что такая самонадеянность существует от века. Бесспорно, но не думаю, чтобы кто-то зашел в ней так же далеко, как мы. Это было крайнее выражение воли покорить Историю, зуд войти в Историю, любой ценой придумать что-то новое» [4, 326].

Вряд ли столь радикальный разрыв со старшими был характерен для всей молодежной генерации «прекрасной эпохи». В Германии молодежный радикализм поколения прекрасной эпохи на стадии его вторичной социализации проявился в 20-е гг. отнюдь не в студенческих аудиториях. В этой стране тогда вполне сложилось специфическое сообщество университетских преподавателей, которые могут быть отнесены к тому типу образованной элиты общества, которую М. Вебер назвал, по аналогии с китайскими чиновниками, мандаринами. Рассматривая немецких университетских профессоров как особую социальную группу, Фритц Рингер писал в 1969 году в книге «Закат немецких мандаринов. Немецкое академическое сообщество, 1890 — 1933»: «...Я бы определил мандаринов как социальную и культурную элиту, занявшую высокое положение в основном благодаря своему образованию, а не унаследованным титулам и богатству. Эта группа включает в себя врачей, юристов, священников, правительственных чиновников, учителей средней школы и университетских преподавателей. Все эти люди обладают дипломами и степенями... Мандарины — интеллектуалы — университетские профессора по преимуществу — в основном заботятся об образовании и воспитании элиты» [5, 111].

Заняв в своем большинстве крайне враждебную позицию по отношению к Веймарской республике и обладая огромным влиянием на своих студентов, немецкие мандарины сыграли значительную роль в канализации возрастного юношеского максимализма против демократии на стороне нацистов. Самым известным примером подобной позиции немецкой профессуры, который приобрел символическое значение, стало вступление выдающегося философа Мартина Хайдеггера в нацистскую партию и попытка в качестве ректора

Фрайбургского университета осуществит в нем национал-социалистические реформы.

В работе «Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом» (1943) Карл Мангейм приводит данные, согласно которым возрастная группа 18 — 30 лет была самой многочисленной в партии Гитлера до его прихода к власти: 1931 — 37,6 %, 1932 — 42,2 %, 1933 — 35,6 %. В социал-демократической партии Германии, которая в начале 30-х гг. из-за полного упадка центристских партий заняла их место, молодежь в 1931 г. составляла лишь 19,3 % [6, 564].

После 1933 г. перед немецкой молодежью открылось четыре дороги: преступление, конформизм, эмиграция, сопротивление. Символическими фигурами диаметрально противоположных позиций, которые судьба предоставила для немецкой молодежи были, с одной стороны, К. Штауфенберг (1907-1944) и Х. Шульце-Бойзен (1909-1942), с другой — Р. Гейдрих (1904-1942) и А. Эйхман (1906-1962). Лишь незначительная часть поколения пойдет по третьему и четвертому пути. Для большей же его части типичной станет конформистская судьба автора романа со знаменательным названием — «Год рождения 1902» Эрнста Глезера. После ошеломляющего успеха своей книги в 1928 г., он, как и Ремарк, эмигрировал из Германии, но в 1933 г. вернулся назад и закончил войну в Италии сотрудником газеты для немецких солдат.

Перед подобным выбором оказалось «поколение прекрасной эпохи» также в Италии и СССР, позже — в Испании. Исключением является Франция, которая до 1940 г. являлась своеобразным ковчегом поколения, поскольку речь идет только о нем.

Сразу после окончания первой мировой войны во Франции начали собираться представители искусства старшего поколения, которых манила бурлящая художественная атмосфера Парижа. Несколько позже к ним присоединились более молодые художники, литераторы, кинематографисты. В 20-е годы в Париже происходит также становление молодежи, эмигрировавшей из России. В этом отношении показательна биография русского беженца Александра Кожева, племянника художника В. Кандинского. После долгих мытарств и приключений он вырвался в 1920 г. из своей страны и поселился в Германии. В Гейдельбергском университете Кожев изучал философию и написал диссертацию под руководством К. Ясперса. В 1926 г. он переселился во Францию, где защитил вторую диссертацию и с 1933 по 1939 год регулярно читал свой оригинальный курс лекций по философии Гегеля в Высшей школе практических исследований.

Его слушатели составляли группу численностью около двадцати человек, но это были те, кто после второй мировой войны займет ведущие позиции в интеллектуальной жизни Европы: М. Мерло-Понти, Э. Вейль, Р. Арон, Ж. Лакан, Ж. Батай и другие. Раймон Арон отозвался о нем, как о философе, обучавшем «чтению Гегеля поколение французских интеллектуалов» и далее: «Мне повезло иметь в молодости трех друзей, чье превосходство надо мной я не мог скрыть от себя: это Жан — Поль Сартр, Эрик Вейль и Александр Кожев» [7, 112, 795].

Пожалуй, во многих отношениях среди крупных континентальных стран Европы наиболее благоприятные условия для вторичной социализации «поколения *belle époque*» имелись во Франции. В ней отсутствовали серьезные экономические и политические катастрофы, потрясавшие Германию и Россию, она не была распята, подобно Испании, гражданской войной, ее не окутала, как Италию, вязкая и удушающая атмосфера всеобщего конформизма. Вплоть до 1940 г. перед молодыми французскими интеллектуалами не стояла проблема элементарной человеческой безопасности и необходимости покинуть свою родину. Они, как поколение, выросли в привычной нормальной социальной и культурной среде. Это дает возможность проследить процесс становления данного поколения не на примере разбросанных по миру отдельных его талантливых представителей, а наблюдать достаточно целостную и компактную его французскую ветвь.

В этом отношении особенно интересны два аспекта общей истории поколения в ее французском воплощении: главный вектор духовного поиска и решение проблемы активного отношения к реальной жизни.

Особенно заметным оно было во Франции, не в последнюю очередь, видимо, благодаря давней философской традиции этой страны. Она состояла в сочетании занятий философией с морализаторством, то есть со стремлением наблюдать нравы своего времени и поучать жизни на основе его осмысления. Еще Ф. де Ларошфуко, Б. Паскаль и Ж. де Лабрюйер окончательно сформировали жанр, который не только глубокомыслен, но и популярен благодаря доступности массовому читателю. Поэтому мы не встретим имен Хайдеггера или Ясперса в литературной энциклопедии, в то же время на ее страницах почетное место занимают Сартр и Камю, соседи великих немцев в подобных философских изданиях. Сочетание многими французскими интеллектуалами философии с литературой и публицистикой дало основание генералу де Голлю отпустить ядовитую шутку в

адрес Р. Арона: «Арон, профессор из «Фигаро» и журналист из Коллеж де Франс».

Французские молодые интеллектуалы не только оказались наиболее восприимчивыми к новым философским идеям, но придали им в процессе интерпретации и развития особый характер. В контексте общих для всей послевоенной Европы интеллектуально-духовных исканий, направленных на поиск новых основ человеческого существования, они особенно значимо акцентировали внимание на проблемах конкретного человека в его реальной жизненной ситуации. Шла ли речь о теме одиночества и отчужденности или о свободе и личной ответственности. Андре Мальро четко зафиксировал эту тенденцию, заявив в 1934 г.: «Литература, ведущая свое начало от Флобера и Малларме (примат эстетических ценностей), умирает, и все современные течения французской литературы можно собрать в единый поток возвращения к человеку» [8, с.73].

В этом целостном духовном пространстве и сложилась, в частности, развернутая концепция человека, названная персонализмом и оказавшаяся философской основой одного из наиболее влиятельных течений европейского федерализма — политической программы обновленного европейского движения после второй мировой войны.

Еще одна характерная черта французских интеллектуалов состояла в их сознательной и принципиальной «вовлеченности» (Э. Мунье) в практическое действие, то есть в социальную жизнь. Ж.-П. Сартр, представляя в 1947 г. первый номер основанного им журнала «Ган модерн», обобщил ее и провозгласил своеобразный манифест экзистенциалистского активизма и ангажированности: «Даже если мы будем немые и смиренные, подобно камням, сама наша пассивность будет выступать в качестве действия... Писатель пребывает в ситуации своей эпохи: каждое его слово будет выступать в качестве действия» [9]. Это заявление основывалось на опыте массовой ангажированности интеллектуалов — дрейфуссаров. За ним также стояла деятельность Комитета бдительности и антифашистского действия, основанного в марте 1934 г. этнографом П. Риве, физиком П. Ланжевенном и философом Э.-О. Аленом. Вскоре вокруг него объединилось по всей стране около 5 тыс. представителей антифашистской интеллигенции, он начал издавать бюллетень, организовывать лекции и митинги. Наконец, ярким проявлением подобной ангажированности стало участие французских интеллектуалов в Сопротивлении. Правда, их стремление к политическому активизму привело некоторых представителей этого поколения через «Аксьон франсез»

и другие промежуточные формы к фашизму и коллаборационизму.

Сам Сартр, явивший законченный образец практического применения своей собственной концепции, столько раз поражал всех своими идейно-политическими метаниями, что, пожалуй, как ни кто другой, дискредитировал концепцию ангажированности. Он усомнился в возможности интеллектуалов исправить общество и в 1964 г. с горечью признал: «Я изверился, но не отступился. Я по-прежнему пишу. Чем еще заниматься?...Я долго принимал перо за шпагу, теперь я убедился в нашей бессилии» [10, 173].

Разумеется, выдвижение человека и его проблем в качестве предмета философии, а также сознательная и ответственная «вовлеченность» или «ангажированность» в реалии своей эпохи не были монополией только интеллектуалов, а тем более какого-либо одного поколения или национальной подгруппы. Но именно в этом поколении, особенно в его французской подгруппе, они проявились наиболее зримо.

В 1943 г. А. Марк избежал ареста, скрываясь в Швейцарии, где по заказу университета в г. Фрибург занялся составлением собрания избранных текстов Прудона. Это обстоятельство стало мотивом прочитать все произведения выдающегося теоретика анархистского социализма и стать его убежденным единомышленником.

По мере приближения окончания войны, актуализировался вопрос о будущей судьбе Европы. Отзываясь на вызов времени, А. Марк пишет книгу «Пришествие рабочей Франции. Традиции и устремления французских трудящихся» (1945). На ее страницах он пришел к выводу, что только федералистская модель общественного устройства Франции может быть настоящей альтернативой государственному монополизму, основанному на марксистской доктрине. В этом труде А. Марк однозначно использовал выражение «интегральный федерализм» для обозначения своей теории федерализма. Этот термин восходит к его книге «Молодая Европа» (1933). На ее страницах он впервые использовал его, противопоставляя «интегральному национализму». Но только со середины 40-х годов эта формулировка стала широко использоваться им в своих работах, получив доктринальное значение.

После окончания войны А. Марк самым непосредственным образом включается в движение за объединение Европы. Сегодня трудно поверить, что Европа в своей современной форме, могла вызвать энтузиазм идеалистов и борцов. Им на смену пришли таинственные еврократы, которые управляют технологической Европой. Характерный пример, за 65 лет существования

Международной премии Карла Великого города Аахен из многих ярких активистов европейского движения ее получили лишь Рихард Куденхове-Каллерги (1950), Анри Брюгманс (1951) и Сальвадор де Мадарьяга (1973), остальные лауреаты, как правило, политики и государственные чиновники [11]. За разговорами о стабильности европейской валютной зоны, об экономических масштабах, которые стали возможны в результате устранения границ или суммах убытков, понесенных фермерами, была упущена душа и привлекательность в глазах общественного мнения. Долги Греции и нашествие мигрантов лишь фрагменты этой печальной картины.

Послевоенное европейское движение началось под влиянием Сопrotивления, пример чему «Манифест Вентотене», составленный группой итальянских антифашистов (Альтьеро Спинелли, Эрнесто Росси и др.).

В 1946 г. несколько национальных групп европейского движения объединились в Союз Европейских Федералистов (UEF), в состав руководства которого вошел А. Марк. В этой роли он готовил первый конгресс UEF в швейцарском городе Монтрё (август 1947), в котором приняли делегаты из 16 стран. На втором конгрессе в Риме (1948) А. Марк вместе с А. Спинелли добился сохранения UEF как единой организации, которую многие хотели распустить в пользу только что образованного Европейского Движения. Особенно значительной была роль А. Марка в организации и проведении знаменитого Конгресса Европы в Гааге (май 1948), итогом которого стало образование Совета Европы. На нем А. Марк выступил за создание Верховного суда по правам человека.

Среди европейских федералистов никогда не существовало единого подхода в отношении целей и методов их действий. В итоге в 1956 г. произошел распад UEF на несколько групп и движений: его лидеры А. Марк, А. Спинелли и А. Брюгманс пошли разными путями. А. Брюгманс сосредоточился на руководстве Европейским колледжем в Брюгге, который был создан в 1949 г. согласно одного из решений конгресса в Гааге для подготовки новой европейской элиты. И по сегодняшний день это учебное заведение процветает. А. Спинелли подался в европейскую политику: на момент своей кончины в 1986 г. он десять лет был членом Европейского парламента и 6 лет членом Европейской комиссии.

А. Марк продолжил свою европейскую активность в нескольких направлениях. Первое, научная и публицистическая деятельность, направленная на развитие выдвинутой им идее интегрального федерализма. В течение 50 — 90-х годов он написал множество книг и статей на эту тему.

Второе, Международный Центр Европейского образования (CIFE), образованный по его инициативе в 1954 г. и расположенный в настоящее время в Ницце [12]. В настоящее время Центр занят преподаванием и научными исследованиями в сфере европейского единства, федерализма как модели общества, самоуправления, кризисов общества, экологии и др. Центр имеет гибкие образовательные программы, осуществляет широкое трансевропейское сотрудничество, ведет большую издательскую деятельность. CIFE финансируется Европейским Союзом, а также пожертвованиями от различных фондов.

В 1964 г. в структуре CIFE был создан своеобразный Европейский Институт повышения квалификации (Institut Européen des Hautes études internationales), который предлагает магистратуру под названием «Международные отношения и европейские исследования» (MAEIS). Эта программа предоставляет возможность обсудить достижения и проблемы европейской интеграции, а также разработать способы их решения.

Еще одним начинанием А. Марка в сфере европейского образования стало создание под эгидой CIFE и фонда Эмиля Шаню Колледжа федералистов (Collège d'Etudes Fédéralistes d'Aoste) в итальянском городе Аоста. Выбор этого города и названия фонда для федералистского проекта был не случайным. Франкоязычный регион Валле — д'Аоста еще с 20-х годов стремился к автономии. Одним из активистов этого движения и участником Сопrotивления был местный житель, адвокат Эмиль Шаню, который в мае 1944 г. был замучен фашистами.

Впечатляющим творением А. Марка стал журнал «Европа образования» (L'Europe en Formation), основанный в 1960 г. [13]. Внушает восхищение следующий жест уважения к его основателю: А. Марк почил в 2000 году (символически уход едва ли не последнего представителя наиболее яркого поколения XX века), а в 2001 журнал прекратил свою сквозную нумерацию на номере 322 и с 2002 года возобновил ее с № 1 (напоминает исторический отсчет *до... и после ...*). В настоящее время журнал выходит четыре раза в год, каждый номер посвящен определенной теме и имеет двойную нумерацию. Например: 2014/4 (№ 374) *Les relations entre l'Union européenne et la Russie* («Взаимоотношения между Европейским Союзом и Россией»).

Таким образом, Борис Лисаневич и Александр Марк доказывают талантливость и удивительную жизненную активность своего поколения в целом, так и той его части, которая вынуждена была покинуть родину, будь то Россия,

Германия или Италия. Разница лишь в том, что они не только не хотели, но и не могли вернуться обратно.

Но с другой стороны, что было бы с ними, если бы не состоялась революция 1917 г., или если бы они остались в советской России. В первом случае Б. Лисаневич, как он сам говорил, стал бы по семейной традиции офицером, а А. Марк — банкиром, как его отец. Во втором, Б. Лисаневич остался бы танцором балета на вторых ролях, а А. Марк, если бы получил высшее образование, что сомнительно при его социальном происхождении, пополнил ряды новой советской интеллигенции и растворился в общей серой массе.

Разумеется, это лишь предположение, но с большой степенью вероятности можно сказать, что семейные традиции в первом случае и «советская действительность» во втором не позволили бы им самореализоваться в той мере, в какой это произошло в эмиграции.

Впрочем, существует нечто сильнее, чем повседневная жизнь и оно называется судьбой. Перефразируя слова А. Ахматовой об И. Бродском допустимо сказать, что судьба готовила Б. Лисаневичу и А. Марку большое будущее, вопреки всем превратностям жизни.

Зафиксировав факт существования поколения *belle époque* и описав исторические условия его формирования, попробуем дать ему общую оценку. Это можно сделать либо дистанцировавшись от него во времени, то есть глазами представителей последующих поколений, либо обратившись к самооценке, прозвучавшей из уст его непосредственных представителей.

У Аурелио Печчеи, выдающегося менеджера фирм «Фиат» и «Оливетти», она была навеяна беспомощностью человечества перед глобальными проблемами цивилизации. С целью поиска путей их решения он вложил свой ум и сердце в созданный по его инициативе «Римский клуб», но за несколько лет до смерти произнес эпитафию своему поколению: «Я появился на свет в 1908 году и принадлежу к тому поколению, которое благодаря стараниям и изобретательности предшественников могло бы вписать решающую главу в единую историю человечества. На заре двадцатого века сложились исключительно благоприятные условия для прогресса, для максимального развития человеческих способностей, искоренения бедности и создания достойной жизни для всех людей.

Однако, увы, возможность эта была упущена» [14, 45].

В отличие от А. Печчеи, который смотрел на современность через футурологическую призму уготованного ей будущего, великий кинорежиссер

Лукино Висконти проецировал в современность ее прошлое. Основные его кинофильмы посвящены исследованию трагической судьбы человека в различных обстоятельствах прошлых эпох. Шла ли речь об исторической гибели старой аристократии в «Леопарде», о вырождении немецких промышленных магнатов в «Гибели богов» или о безумии последнего баварского короля в «Людвиге». При этом Л. Висконти не считал себя пессимистом: «Пессимизм — нет. Потому что мой пессимизм — всегда только пессимизм разума, но никогда не пессимизм воли. Чем более разум питается пессимизмом, углубляясь в правду жизни до самой ее сути, тем более, на мой взгляд, наполняется воля зарядом оптимистичным и революционным» [15, 233]. В этих словах Висконти заключена одна из главных особенностей его поколения — стоическое стремление к утверждению надежды вопреки трагическому жизненному опыту.

И все же, наш взгляд, окончательные суждения, будь это отдельный человек или целое поколение, дано выносить лишь удалившись на достаточное расстояние во времени. В отношении рассматриваемой нами генерации европейцев такая возможность, видимо, уже появилась. Именно ее представители, главным образом или в значительной мере, определили основные тенденции развития и наполнили творческим содержанием культурную жизнь западной цивилизации в XX веке. Поколение *belle époque* также достойно симпатии своей готовностью ответить на любой вызов времени социальной активностью и мгновенной интеллектуальной реакцией.

В пределах каждого отрезка времени переkreщаются жизненные пути представителей различных поколений, но на исторической оси времени часто можно выделить определенное социально — биологическое ядро, которое придает эпохе ее неповторимое своеобразие. Как это и произошло с поколением *belle époque*.

Литература:

1. Sigola Pascal. Charles de Gaulle, la « révolution conservatrice » et le personnalisme du mouvement l'Ordre nouveau // L'Europe en formation.- été 1996.- n° 301.
2. Christian Roy. Alexandre Marc et la Jeune Europe (1904 — 1934): l'Ordre nouveau aux origines du personnalisme Suivi de Thomas Keller. Le personnalisme de l'entre — deux — guerres entre l'Allemagne et la France. — Presses d'Europe, 1999. — 587 p.
3. Voyenne B. Genèse du fédéralisme marcier // L'Europe en formation.- hiver 2000 — printemps 2001. — p. 319 — 320.
4. Чоран Э. После конца истории / Э. Чоран. — С-Пб.: Symposium, 2002. — 544 с.
5. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов (избранные главы) // Новое литературное обозрение. — 2002. — № 53.
6. Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
7. Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике / Р. Арон. — М.: Ладомир, 2002. — 873 с.

8. Мальро А. Человек в процессе рождения / Мальро А. Зеркало лимба. — М.: Прогресс, 1989. — 515 с.
9. Може Ж. Социологическая ангажированность / Ж. Може // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. — М., 1999. — С. 292 — 324.
10. Сартр Ж.- П. Слова / Ж.- П. Сартр. — М.: Прогресс, 1966. — 175 с.
11. См.: Пищемуха В.Г. Премия Карла Великого города Аахен как отражение истории европейской интеграции // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія.- 2014. — Вип.6. — С. 84-91.
12. www.cife.org.
13. www.Revue l'Europe en Formation.htm.
14. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи. — М.: Прогресс, 1985. — 312 с.
15. Висконти Л. Статьи. Свидетельства. Высказывания / Л. Висконти. — М.: Искусство, 1986. — 302 с.

Пищемуха В.Г. Борис Лісаневич і Олександр Марк: одесити «покоління belle époque». — Стаття.

Анотація. Стаття присвячена пам'яті двох видатних одеситів, які блискуче самореалізувалися в протилежних географічних місцях Землі: Катманду і Парижі. З метою висвітлення і осмислення їхньої схожої долі розроблена і застосована концепція покоління «прекрасної епохи».

Ключові слова: покоління, «прекрасна епоха», Одеса, еміграція.

Pischemukha V.G. Boris Lisanevich and Alexander Mark: Odessa citizens of the «Belle Epoque» generation. — Article.

Summary. The article is written in memory of two outstanding citizens of Odessa, who achieved success in self-actualization in different parts of the Earth: Kathmandu and Paris. The concept of the «Belle Epoque» generation was developed and introduced for the purpose of description of their similar lives.

Keywords: generation, «Belle Epoque», Odessa, emigration.